

УДК 902 (47+57)-051(092)(045)

*О.М. Мельникова, Т.И. Останина***АРХЕОЛОГ АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ СМИРНОВ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ**

Авторы публикуют воспоминания известного советского археолога, д-ра ист. наук К. А. Смирнова об его отце, Алексее Петровиче Смирнове. А. П. Смирнов — выдающийся советский учёный, представитель первой генерации советских археологов. Он известен своими многочисленными исследованиями по финно-угорской и болгарской археологии. Со второй половины 1920-х по 1930-е гг. А. П. Смирнов проводил археологические исследования на территории Удмуртии. Его работы, как и исследования многих других учёных, были прерваны Великой Отечественной войной. В 1990-е гг. сыном учёного К. А. Смирновым были составлены воспоминания об отце, в которых он описывает отношение учёного к войне, приводит факты биографии археолога в связи с военными событиями. Они дополнены письмом А. П. Смирнова казанскому археологу А. М. Ефимовой. Документы позволяют выявить и факты биографии А. П. Смирнова, и имеют важное социальное значение, отражая через личную историю трагические события военной поры.

Ключевые слова: история советской археологии, А. П. Смирнов, Великая Отечественная война, воспоминания.

DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-4-718-727

Алексей Петрович Смирнов (29.05.1899–10.03.1974), известный советский археолог и историк, д-р ист. наук, профессор, работал заведующим сектором скифо-сарматской археологии Института археологии АН СССР, заместителем директора Государственного Исторического музея, профессором кафедры археологии МГУ. Он являлся членом учёных советов многих научных и образовательных учреждений. Научное наследие учёного составляет свыше 250 научных работ [16, с. 215–218].

В советское время А. П. Смирнов вместе с С. Г. Матвеевым стал первым профессиональным исследователем археологических памятников на территории Удмуртии. Эти работы проводились в 1926–1932 гг. и в 1936 г. Удмуртской археологической экспедицией [2, с. 37]. В 1926 г. её начальниками были одновременно А. П. Смирнов, в то время аспирант Института археологии и искусствоведения РАНИОН [4, с. 321–342], и учёный секретарь археологического подотдела Главнауки Наркомпроса С. Г. Матвеев [6, с. 48–50]. Начиная с 1927 г., экспедицию возглавлял А. П. Смирнов. Организационно она курировалась Главнаукой, Институтом археологии и искусствоведения РАНИОН. Её работе способствовало Научное общество по изучению Вотского края. Финансовая поддержка оказывалась Вотским облисполкомом [7, с. 95–118].

За 7 лет работы на территории Вотской автономной области (ныне — Удмуртская Республика) А. П. Смирнов провёл раскопки на 8 памятниках археологии, где обнаружил 55 сооружений, исследовал 131 погребение. Кроме того, совместно с археологом С. Г. Матвеевым принял участие в раскопках двух могильников (Солдырский I Чемшай, Чужьяловский) и двух городищ (Сабанчикар, Чужьяловское) [2, с. 37]. Он руководил 4 разведывательными отрядами по выявлению и изучению памятников в бассейне притоков рр. Чепцы, Валы, Тоймы и Ижа. Всего им на территории Удмуртии зарегистрировано 98 памятников археологии, в основном датированных XVII–XVIII вв. В результате исследований А. П. Смирнова в фонды Областного краеведческого музея (ныне — Национальный музей УР им. К. Герда) поступило более 8 тыс. предметов [8, с. 5].

Результаты археологических работ А. П. Смирнова были частично опубликованы в «Трудах» Научного общества по изучению Вотского края, в сборнике «На удмуртские темы», в «Учёных записках» УдНИИ, в «Очерках древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья». Удмуртские материалы легли в основу первых опытов советских археологов по осмыслению материала с позиций материалистического понимания истории [9–13]. Не исключено, что в связи с политическими процессами начала 1930-х гг., в том числе делом «СОФИН», учёный отошёл от финно-угорской тематики, и в круг его интересов вошла археология Волжской Булгарии, древности которой им были подробно изучены и систематизированы [17, с. 9–27].

Вклад А. П. Смирнова в развитие финно-угорской и болгарской археологии огромен. Более 50 лет своей жизни он отдал этой проблематике. Ему принадлежат и отдельные статьи, и фундаментальные монографии, которые и по сей день остаются настольными книгами современных исследователей. Учёный много усилий приложил для воспитания и подготовки кадров профессиональных архео-

логов, в том числе и для Удмуртии. Среди них — д-р ист. наук Маргарита Григорьевна Иванова (1945–2020).

Исследования А. П. Смирнова на территории Удмуртии в 1920–1930-е гг. позволили сформировать значимый корпус археологических источников, которые хранятся в фондах Национального музея УР им. К. Герда. Это, прежде всего, коллекции раскопочных работ исследователя (городища и могильники около дд. Солдырь и Дондыкар Глазовского района, могильники XVII–XVIII вв. в Шарканском районе, коллекция Кушманского городища Уччакар в Ярском районе). Значительным объёмом представлен изобразительный материал: фотографии и негативы раскопок 1926–1932 гг., разведки по р. Вала 1936 г., выполненные А. П. Смирновым, переданные им руководству краеведческого музея, а также рукописные тексты отчётов по проведённым работам.

Кроме археологических находок и фотоматериалов, в НМУР им. К. Герда есть личные вещи учёного, переданные после кончины А. П. Смирнова его сыном Кириллом Алексеевичем в 1998 г. К периоду археологических работ А. П. Смирнова на территории ВАО относится складной трёхкомпонентный нож (нож, открывалка, шило), а также портсигар из карельской берёзы. По словам сына, отец не курил, но любил угощать папиросами местных крестьян для душевного разговора с ними. В археологическую разведку он всегда ходил с военным полевым биноклем, изготовленным в Рочестере (США) в начале XX в. А. П. Смирнов редко менял вещи и долго ими пользовался. К их числу относятся карманные механические часы второй половины 1940-х гг. Они были куплены Алексеем Петровичем после Великой Отечественной войны.

Среди музейных предметов, полученных НМУР им. К. Герда в 1998 г., и статья К. А. Смирнова¹ «Отец о войне», которую он передал с просьбой дальнейшей публикации лично Т. И. Останиной (УРМ НМУР-29326).

А.П. Смирнов, участник народного ополчения г. Москвы. 1941 г. (НМУР, № учета НВ-13022)

Текст представляет собой машинописную рукопись, сделанную сыном учёного. К. А. Смирнов описывает события в жизни отца, связанные с Великой Отечественной войной. Воспоминания представляют собой интересный источник по истории Великой Отечественной войны, 75-летие Победы в которой исполнилось в 2020 г. Они значимы как документ, характеризующий личность учёного. Отрывки из воспоминаний были впервые опубликованы в 1990 г. в небольшом малотиражном сборнике «Археологи на войне» [15, с. 72–73].

Известно, что 7 июля 1941 г. А. П. Смирнов добровольцем ушёл на фронт в составе ополчения. В составе 1-й роты 1-го полка Ленинской дивизии он воевал на Западном фронте. В бою под Витиновкой 6 октября 1941 г. его рота попала в окружение. Оставшимся в живых у д. Борисово в районе г. Верен на р. Пратве 22 октября 1941 г. удалось прорваться через линию фронта к своим. В Звенигороде с пункта формирования его направили в 202-й запасной полк, а оттуда — в 840-й сапёрный батальон, входивший в состав Западного фронта. Рядовым бойцом сапёрного батальона А. П. Смирнов принимал участие в наступлении под Москвой на Истринском направлении. 14 января 1942 г. он был демобилизован и направлен в Москву в распоряжение АН СССР. Несколько лет (1942–1944) был начальником отряда Экспедиции

¹ Смирнов Кирилл Алексеевич (1931–2001) — д-р ист. наук, с 1978 г. работал Учёным секретарём Института археологии АН СССР (РАН). Известен как автор более 100 работ, посвящённых археологии раннего железного века лесной полосы России. Был членом оргкомитетов ряда крупных международных и всероссийских конгрессов и конференций [14, с. 20].

особого назначения АН СССР. В 1944 г. им была защищена докторская диссертация «Волжские Болгары». С этого же года А. П. Смирнов по заданию Народного комиссариата обороны выполнял поручения Государственной Чрезвычайной Комиссии по установлению ущерба, причинённого немецко-фашистскими захватчиками. За участие в войне был награждён медалями «За оборону Москвы» и «За победу над Германией»².

Публикацию воспоминаний об А. П. Смирнове авторы сочли возможным дополнить письмом, которое учёный написал в 1942 г. в Казань, где перед самой войной начался новый этап в его научной работы. Оно адресовано А. М. Ефимовой (1903–1990), казанскому музейному работнику, археологу, супруге медиевиста В. И. Адо [1]. В 1938 г. А. М. Ефимова под руководством А. П. Смирнова участвовала в раскопках на Болгарском городище. Полностью переписка А. П. Смирнова и А. М. Ефимовой хранится в Отделе рукописей и редких книг Казанского (Приволжского) Федерального университета. Публикуемое письмо дополняет сведения из воспоминаний К. А. Смирнова. Тексты приводятся в авторской редакции.

№1

К. А. Смирнов

ОТЕЦ О ВОЙНЕ

Мой отец Алексей Петрович Смирнов не мог забыть войну всю жизнь. Помню, осенью 1945 года, уже после окончания войны с Японией, кто-то из родственников или друзей сказал ему: «Что ты всё вспоминаешь войну, война кончилась и её надо забыть». Я не могу повторить ответ Отца дословно — я тогда был ребёнком и прошло много лет — но смысл ответа поразил меня и я запомнил его на всю жизнь. Смысл его был такой. Отец сказал: «Для меня война никогда не кончится. Слишком много мы потеряли из-за неё, слишком многого она нас лишила. Она кончится только тогда, когда умрут все участники и некому будет помнить». Прожив жизнь, я убедился, что Отец был прав и что для многих участников войны она, действительно, не кончилась 9 мая 1945 года и не кончилась до сих пор. Хотя надо признать, что наряду с этим я встречал много людей, которые постарались и сумели забыть войну сразу, которые старались доказать, что не было ужасных потерь и что всё это досужие рассказы. Но не о них сейчас речь.

Отец много рассказывал о войне, в основном об одном из самых страшных её этапов, от начала до февраля 1942 года. Для меня он всегда был не только труженник, но и воин, который в тяжёлый момент пошёл защищать своего ребёнка, жену, близких³. Внутренне, для себя, он оценивал своих сверстников с учётом их отношения к войне. Часто вспоминал своих однополчан. Не мог спокойно говорить о погибших товарищах А. А. Мансурове⁴ и П. М.⁵ Дмитриеве⁶.

Рассказы Отца о войне никогда не имели форму последовательного, связного рассказа. Обычно это было короткое изложение каких-то частных событий или оценки. Отец был прекрасным рассказчиком. Когда в печати стали появляться мемуары участников войны, ему не раз говорили: «Ты написал бы воспоминания». На это он отвечал: «Пусть маршалы пишут. Они много знали, могут нарисовать картину. А рядовой солдат видел мало. Кому интересно это читать». Наряду с большой занятостью это было не единственной причиной. Я думаю, что он не хотел и внутренне не мог изложить события так, как тогда было нужно. А если бы он описал то, что видел и пережил — это не опублико-

² Благодарим за информацию профессора Казанского государственного института культуры, д-ра ист. наук К. А. Руденко.

³ Супруга учёного и сын находились в эвакуации в Сарапульском районе Удмуртской АССР в д. Шадрино (см. письмо А. П. Смирнова к А. М. Ефимовой).

⁴ Мансуров А. А. (1900–1941) — археолог, уроженец Рязанской губернии, с 1933 г. работал в Московском областном музее краеведения, сотрудничал в Научно-исследовательском институте методов краеведения. В начале войны ушёл на фронт добровольцем в составе народного ополчения Краснопресненского района Москвы, погиб во время боёв на Смоленском направлении в октябре 1941 г. В 1939 г. опубликовал пособие «Методика составления археологической карты» [5].

⁵ Здесь опечатка К. А. Смирнова. Должно быть — Алексеевич.

⁶ Дмитриев П. А. (1902–1943) — археолог, ученик В. А. Городцова, работал в ГИМе, перед войной провёл ряд археологических экспедиций ГАИМК на Урале. В июле 1941 г. пошёл добровольцем в ополчение. Скончался от ранений в 1943 г. [3, с. 188–189].

вало бы ни одно издательство. Отец называл фамилии людей, вместе с которыми он воевал, но, к сожалению, моя память не сохранила их.

Он много рассказывал о командирах и комиссарах. Отец начинал войну в Московском народном ополчении⁷, где процент людей со средним и даже с высшим образованием был очень высок. Сам он был кандидат наук, профессор⁸, его товарищи были профессиональными научными работниками, многие со степенями.

Вероятно, они знали о гитлеризме больше, чем обычные люди и с первых дней войны понимали, что угрожает нашей стране. Конечно, было бы нелепо требовать, чтобы командиры по своему культурному уровню превосходили их. Этого никто и не требовал. Но когда молодые командиры, только что окончившие училища, пришли к солдатам-добровольцам, которые по возрасту годились им в отцы, они сразу поразили своих бойцов некультурностью, глупостью, неумением руководить людьми. Командиры часто менялись, иногда несколько раз в день. Новый командир роты или взвода выстраивал своих бойцов и сообщал, что он назначен командиром и что при неповиновении он имеет право расстрелять на месте. После этого начинались строевые занятия. Иногда через два-три часа приходил другой командир, и всё начиналось снова. По-видимому, эти командиры плохо знали своё дело, плохо учили бойцов и не сумели руководить ими в бою. Отец вспоминал, что его потрясло, когда перед атакой он увидел, как два лейтенанта срывали петлицы. По-видимому, большинство из них не умели пользоваться картой, не знали тактику и не умели применять полевой устав на практике. Находясь в окружении, многие из них сторонились бойцов, старались идти отдельно. На их фоне особенно выделялись люди, которых отец охарактеризовал как «командиров типа старых русских офицеров». Один из командиров роты, построил бойцов и сказал им примерно следующее: «Я не буду говорить вам о той священной миссии, которую мы должны выполнить. Все вы добровольцы и знаете это не хуже чем я. Я научу вас военному делу и буду командовать вами в бою. Профессия солдата сложная, но интеллигентный человек может её освоить относительно легко. Для вас очень важна физическая закалка. Я познакомлю вас с немецкой тактикой и с немецким оружием. Оно не лучше нашего. Но в ходе боёв вам неизбежно придётся им пользоваться. Борьба будет тяжёлая, но мы победим». Через несколько часов его перевели на другую должность.

С огромным уважением отец вспоминал командира батальона и говорил, что это был прекрасный человек и офицер в лучшем смысле этого слова. Он начал войну 22 июня на границе, где погибла его семья. Он был всегда подтянут, выбрит и всегда был среди солдат. По-видимому, немцы получали информацию о движении наших войск и бомбили части ночью на стоянке. Батальон, в котором служил отец, идя от Москвы к фронту, ни разу не ночевал в деревнях. Можно представить, что говорили о командире солдаты, когда за 3 или 4 километра до деревни он приказывал свернуть в лес и ложиться спать в траву. Но два или три раза ночью их будили взрывы, а утром они проходили по пепелищу деревни, в которой должны были ночевать.

Отец с большим уважением вспоминал комиссара роты, который честно исполнял свой долг и пошёл в бой вместе со своими бойцами. Находясь в окружении, отец сталкивался с разными людьми. Среди них был один комиссар, который собрал небольшую группу бойцов и вёл их на восток. В те дни немцы печатали для русского населения оккупированной территории своеобразные бюллетени-листовки, в которых знакомили людей с ситуацией на фронте. Там, в частности, сообщалось, что Москва и Ленинград взяты, что бои идут где-то на линии Горький — Куйбышев. Далее говорилось, что война фактически закончилась победой Германии и всем окруженцам и партизанам предлагается выходить из лесов и сдаваться. Не надо объяснять с каким чувством окруженцы читали эту информацию. Учитывая скорость продвижения немцев в первые недели войны, в это можно было поверить. Комиссар говорил, что эти сообщения лживы. Он указывал на факты, судя по которым окруженцы шли не по глубокому тылу, а в прифронтовой полосе. Указывал, что немцы производят перегруппировку, вероятно, готовясь к удару по Москве. Поэтому надо скорее идти, чтобы принять участие в решающих боях. Окруженцы голодали. Во многих деревнях стояли немцы. Отношение населения к окруженцам далеко не всегда было доброжелательным. Один солдат сходил в деревню и принёс хлеб. Досталось по ломтю на человека. Комиссар разрезал свой кусок на четыре части и отдал четырём

⁷ Московское народное ополчение формировалось в июле 1941 г. из добровольцев допризывного возраста (17 лет и — фактически — младше) и непризывных возрастов (начиная от 1904 г. рождения и старше) [18, с. 5–12].

⁸ А. П. Смирнов защитил кандидатскую диссертацию в 1929 г., сразу после окончания аспирантуры Института археологии и искусствознания РАН ИОН.

бойцам, которые очень ослабели, а сам есть не стал. Он погиб в бою, которых много было на том страшном пути.

Ещё отец вспоминал комиссара 840 саперного батальона, в котором он служил после выхода из окружения. Отца, как человека грамотного, назначили писарем. При наступлении на Истринском направлении батальон должен был ночью построить переправу. Немцы обнаружили это и открыли огонь. Утром комиссар приказал отцу написать письма матерям и жёнам убитых. Он сказал, что для них это будет последнее известие о самых близких людях, которых отняла война и что у них навсегда должно остаться убеждение, что их сын или муж погибли героически, своей смертью приблизив победу.

Отец вспоминал, как в июле 1941 года к ополченцам приезжал писатель А. Н. Толстой. Он подъехал к этим немолодым, усталым людям, вылез из машины и стал говорить, в каком святом деле они участвуют. Один солдат прервал его и сказал: «А ты становись с нами. Святей этого ничего не придумаешь».

Говорил отец о том, какое кошмарное впечатление произвело сообщение о казни группы генералов, и в их числе Павлова⁹. Особенно потрясло в сообщении то, что они изменники. По словам отца, люди после этого переставали верить своим командирам, друг другу. Надо отметить, что целый ряд фактов заставлял думать, что в нашем руководстве не всё благополучно. Был случай, когда немецкий самолёт над самой землёй летал над нашими войсками. По-видимому, он вёл разведку, но временами открывал огонь. Командир запретил стрелять по самолету. Один солдат выстрелом из винтовки сбил его. Солдата судили и расстреляли. «В любой другой армии, — говорил отец, — за такой поступок человек получил бы награду и отпуск».

Вспоминая своих однополчан, отец с огромной болью говорил о том, что среди них было много людей больных, совершенно негодных для участия в войне. Он упоминал, что рядом с ним в окопе сидел учёный-физик. Сильные очки давали ему возможность видеть мушку. Больше всего он боялся потерять товарищей. Ни одна комиссия не признала бы его годным для несения службы. Но он добровольно вступил в народное ополчение, медицинскую комиссию он не проходил, и нашлись люди, которые отправили слепого человека на фронт. Работая в тылу, он как хороший специалист, мог принести большую пользу. На фронте он — слепой человек — погиб бессмысленно.

Отец вспоминал, что отношение жителей на оккупированной территории к окруженцам было различным. В одной деревне солдаты попросили у старухи-хозяйки ведро, чтобы напиться. Она им ответила: «Поцарствовали двадцать четыре года — теперь проходите». В одной деревне, по мнению отца, жители выдали окруженцев. Отец, благодаря тому, что он много ездил и встречался с разными людьми, был хорошим психологом. Он уловил враждебное отношение жителей и среди ночи уговорил товарищей уйти в лес. Их было пять человек. Они легли спать, накрывшись плащ-палатками. Утром их разбудила стрельба. Немцы окружили деревню и захватили всех ночевавших там окруженцев.

Но чаще было другое отношение. Жители пускали солдат под свой кров, давали возможность обогреться, обсушиться, выспаться в тепле. Делились скудной едой. Много раз отец вспоминал одну женщину. Тогда он шёл вдвоём с Хаситом, сотрудником хозяйственного отдела Исторического музея. Они вместе записались в ополчение, вместе выходили из окружения. В глухой деревне, находившейся в стороне от дорог, они постучали в окно самой бедной избы, стоящей на краю. Хозяйка, женщина, которую война уже сделала старухой (а ведь был ещё октябрь 1941 года), сказала, что у них ничего нет. Отец ответил, что им ничего не надо — только бы переночевать под крышей. А завтра утром, ещё до рассвета они уйдут. Хозяйка пригласила их в избу. Она жила вдвоём с дочерью-подростком. По-видимому, это ещё была женщина в расцвете, но выглядела она старухой. Обе были в лохмотьях. Дочь за всё время не проронила ни слова, мать сказала 10 слов. Отец принёс воды, товарищ наколот дров. Хозяйка позвала их за стол, дала по кружке кипятка и по варёной картофелине. Она и дочь ели то же самое. Отец говорил, что у них было немного картошки в подполье и немного муки с отрубями. Отец отметил, как хозяйка держала кружку. По его словам, так держали чашки горожанки из Российской провинции. Утром до зари хозяйка разбудила их, дала по кружке кипятка и по картофелине и на дорогу по лепёшке. И они пошли дальше. Через много лет после конца войны отец не раз говорил мне, что если бы он знал, где живет эта женщина, он бы поехал, чтобы поклониться ей в ноги.

⁹ Д. Г. Павлов (1897–1941) — советский военачальник, генерал армии. 22 июля 1941 г. был приговорён Военной коллегией Верховного Суда СССР к высшей мере наказания и расстрелян. В 1957 г. посмертно реабилитирован и восстановлен в звании.

В то время артисты и художники отдавали свои сбережения на постройку танков и самолётов. Эта женщина отдала больше. У нее не было почти ничего — только дочь и немного картошки и муки и ещё, вероятно, сознание, что в этой общей беде мы должны быть вместе и должны помогать друг другу.

Ещё во время войны были люди, которые говорили, что сообщения о зверствах немецкой армии — вымысел нашей пропаганды. Они говорили, что немцы культурные люди и несут нам цивилизацию и просвещение. Говорили, несмотря на то, что за такие разговоры можно было попасть на фронт в штрафной роте или в тюрьму. Отец обычно говорил — ну как Вы можете судить о том, чего не видели? А потом пояснял: они говорят это от ужаса перед тем, что происходит. Хотят убедить, прежде всего, себя, что такое невозможно.

Сам он видел много и когда был на оккупированной территории и позднее, после 14 января 1942 года, после демобилизации, когда он работал по поручению Государственной Чрезвычайной комиссии по установлению ущерба, причинённого захватчиками. Но об этих вещах он почти ничего не рассказывал и, по-видимому, носил эти воспоминания на сердце, как страшный груз. Помню, через много лет после конца войны, когда в прессе, в газетах обсуждался вопрос, — возможна ли амнистия фашистским преступникам и законно ли предание суду лиц виновных в массовых казнях и зверствах, но пойманных более чем через 20 лет после конца войны, он сказал мне, что те, кто пишут об этом, не знают, о чём они пишут, а если бы знали, то, перо выпало бы из их рук. Для этих преступлений нет сроков давности, а возмездие только одно — смерть. Те, кто был знаком с моим отцом, знают, что это был гуманный доброжелательный человек, способный скорее найти оправдание для прощупка. Поэтому такая его реакция более чем через 20 лет после конца войны говорит о многом.

Здесь необходимо отметить, что эти преступления отец никогда не переносил на весь народ. Это касается как стран-участников гитлеровской коалиции, так и сотрудничавших с оккупантами групп на нашей территории.

Я был сыном своего времени с характерными для него категоричностью и непримиримостью. Кроме того, в первые послевоенные годы я был подростком. Я помню, как отец с обычным для него юмором говорил, что через 20–30 лет я буду сидеть за столом с немцами, венграми или финнами и разговаривать, как с друзьями. Его слова я вспоминал, когда был в Финляндии и Венгрии. Я хорошо помню войну, я ничего не забыл, но это не мешает мне считать венгров и финнов своими друзьями. Я думаю, что в этом есть и заслуга отца.

Здесь мне хочется напомнить один эпизод. Летом 1945 года отец работал в Берлине. Когда он рассказывал об этом городе, он по ходу изложения сказал, что в трамвае уступил место немке. Кто-то из слушателей возмущенно сказал: «Как Вы могли это сделать! Ведь она немка, мы их победили, они должны стоять перед нами. Неужели Вы думаете, что если бы немцы нас победили, то какой-нибудь офицер уступил бы место вашей жене?». Сначала отец смутился и растерялся. Потом резко ответил: «Победили мы, и всякие “если бы” просто неуместны. Теперь наша армия простоит в Европе долгие годы и там должны привыкать к тому, что русские офицеры — воспитанные гуманные люди». Выйдя в другую комнату, он сказал примерно так: «Я никогда не думал, что наша победа будет выражаться в том, что мы не будем уступать место женщинам. В трамвай вошла усталая женщина, разве я мог не уступить ей место?». Тогда я, подросток, высказал сомнение в том, что он поступил правильно. Ведь мы победители. Он мне ответил примерно так: «Мужчина, если он действительно мужчина, всегда уступает место женщине. Если в этой стране он победитель — то тем более». Эти слова я запомнил на всю жизнь.

Однажды я спросил Отца, что на войне произвело на него наиболее сильное впечатление. Я думал, что это будет связано с участием в боях или с присутствием при эксгумации жертв. Но оказалось другое. Летом 1941 года при движении к фронту часть вошла в маленький город, который утром покинули жители. Впечатление было такое, что все люди ушли. Жители ушли настолько поспешно, что на столах осталась еда. Отец говорил, что страшнее этого он ничего не видел.

За участие в войне Отец был награжден медалями «За оборону Москвы» и «За победу над Германией». Других наград не было. Однажды в компании, заговорили о войне. Отец рассказал, что однажды при выходе из окружения им пришлось пробиваться с боем, и в избе отец нашёл тактические немецкие карты. Он собрал их и после выхода из окружения сдал. Один из слушателей страшно оживился и сказал, что этот случай, несомненно, нашёл отражение в документах. По его словам, отцу следовало заявить об этом и претендовать на орден «Красной Звезды». Он долго говорил о значении орденов, о том,

каким уважением пользуются орденосцы и т. д. Отец ответил примерно так: «Хорошо, что деревянный крест не получил, а без серебряного проживу. Разве я ради наград туда пошёл».

Начиная с 1945 года, главным праздником в нашей семье был День Победы 9 мая. Грустный праздник, в который в основном вспоминали потери. Его в нашей семье отмечали всегда, и в те годы, когда этот день был объявлен рабочим, и публиковались статьи, в которых говорилось, что войну, пора забыть. Только на 20-летие Победы отец уехал в Казань, с которой всю жизнь был тесно связан¹⁰, и там отметил этот день.

Выше я сказал, что воспоминания о войне сопровождали отца всю жизнь до самой смерти. Последний раз война напомнила отцу о себе примерно за три недели до конца. Отец был уже совершенно больной, но к вечернему чаю он вставал. Мы сидели за столом. Зазвонил телефон, и я снял трубку. Женский голос спросил Алексея Петровича Смирнова. Я дал трубку отцу. Сначала он слушал, потом стал отвечать. Я понял, что он рассказывает про ночной бой в окружении. Потом он сказал: «Больше я его не видел», попрощался и положил трубку. Потом он сказал, что это звонила вдова комиссара их роты. Я спросил: «Неужели она ещё ищет его. Ведь прошло почти 40 лет с конца войны!». Отец ответил, что, по-видимому, она уже ищет не мужа, а человека, который видел его убитым. Комиссар был еврей, и вдова все эти годы думала о том, что он мог попасть в плен и там, как еврей, мог подвергаться большим издевательствам по сравнению с другими пленными.

Так война напомнила отцу о себе за несколько дней до смерти.

№2

Письмо А. П. Смирнова А. М. Ефимовой, 1942, 7 мая¹¹

Москва, 7 мая 1942 г.

Дорогая Александра Михайловна!

Получил Ваше письмо. Спасибо за память. Письмо это как-то сразу напомнило Казань, Вашу квартиру, Болгары. Где так был[о] хорошо в нашей бане (Красной). Было неплохо есть Ярославское *печиво* (кстати, она здравствует и шлёт Вам поклон). Теперь всё это далеко. Я живу в разных местах. Только на днях начал приводить разбомб[л]енную свою квартиру в порядок. Ещё две недели тому назад в ней было 2–3 градуса холода, а зимой температура была — 12–15 градусов холода. Моя семья под Сарапулом. Наталья Васильевна¹² перенесла сыпной тиф, в очень тяжёлой форме. Кира¹³ здоров. Живут они в грязной деревне — Шадрино. Сейчас попривыкли. Ну, хорошо, что хоть питаются неплохо. Мы здесь в Москве живем по-военному // и мягко говоря, нуждаемся в продуктах. В Москве сейчас довольно спокойно. Все мои работы жена увезла вместе с сыном, и я, поэтому зря копчу небо. Много приходится ездить по местам, освобождённым от фашистов. Жуткая картина разрушенных городов, сожжённых деревень, уничтоженных исторических памятников. Представляю, [что] таким должен быть и погром Батые на Руси.

Было приятно узнать, что Вас[илий]. Иванович¹⁴ здравствует, передайте ему мой сердечный привет. Как живёт Калинин Ник[олай] Фил[иппович]¹⁵.

¹⁰ До войны А. П. Смирнов руководил 1933–1935 гг., 1937 г. Суварской экспедицией; в 1938–1940 гг., 1950–1955 гг. — Куйбышевской экспедицией [2, с. 110–118].

¹¹ ОРРК НБЛ КГУ, ед. хр. № 9789-1, л. 1–2об. Письмо отправлено в конверте из склеенного тетрадного листа в клетку. Адрес написан от руки синими чернилами. Заказное, № 314/Д, Москва-12. На конверт наклеено две марки по 30 коп. (почта СССР, синего цвета с изображением авиатора). Получатель: Казань, ул. Чернышевского, д. 2, Центральный музей Татарской АССР, Ефимовой Александре Михайловне; Отправитель: Москва, проезд Серова, дом 21, кв. 3, Смирнов. Отправлено: из Москвы 7 мая (штемпель — 7 5 42-10). Получено: в Казани 15 мая (штемпель — 15 5 42-8). Штамп: Просмотрено Военной Цензурой. Москва № 137.

¹² Супруга А. П. Смирнова.

¹³ Кирилл Алексеевич Смирнов, сын А. П. Смирнова.

¹⁴ Адо Василий Иванович (1905–1995) — проф. Казанского университета, супруг А. М. Ефимовой.

¹⁵ Калинин Николай Филиппович (1888–1959) — казанский историк, археолог. До Великой Отечественной войны заведовал историко-археологическим отделом Центрального музея Татарской АССР, преподавал в Казанском университете. Воспитал плеяду выдающихся учёных, среди которых В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков.

Пишите, Ваше письмо доставило радость большую, здесь в Москве мы часто себя чувствуем оторванными от привычной обстановки, от своих людей. В общем, живём по-военному.

Желаю Вам и Вашей семье бодрости, здоровья и успехов во всех // делах. Надеюсь на скорую встречу. Тогда расскажу о своих военных делах. О впечатлениях. Обо всех тяжёлых-таки днях немецкого окружения.

Преданный Вам: А. П. Смирнов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

Главнаука - Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями
Наркомпрос - Народный комиссариат просвещения РСФСР
НМУР им. К. Герда - Национальный музей Удмуртской Республики им. Кузубая Герда.
РАНИОН - Российская ассоциация институтов общественных наук
СА - Советская археология

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Адо В. И.* Вспоминая о прошлом... Записки русского интеллигента XX века // Казань, 2000. № 8. С. 112–120.
2. Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Института археологии Академии Наук СССР. 1919–1956 гг. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1962. 263 с.
3. *Бадер О. Н.* Павел Алексеевич Дмитриев // УЗ МолотовГУ. Т. IX. Вып. 3. Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1953. С. 188–189.
4. *Кузьминых С. В., Белозерова И. В.* Институт археологии и искусствоведения РАНИОН в судьбах отечественной археологии // Приволжская археология. 2018. № 1(23). С. 321–342.
5. *Мансуров Алексей Алексеевич* (1900–1941), библиограф, краевед, один из организаторов Касимовского краеведческого музея. URL: <https://kraeved.ronb.ru/calendar/mansurov-aleksey-alekseevich> (дата обращения 11.02.2020).
6. *Мельникова О. М.* Археология в Удмуртии в 1920-е — начале 130-х гг.: от культурно-исторических исследований к марксизму // 1917 год: российская археология на переломе эпох: материалы Междунар. науч. конф. М.: Ин-т археологии РАН, 2017. С. 48–50.
7. *Мельникова О. М.* Археология в российской провинции: исследователи, научные общества, парадигмы (по материалам археологических исследований на территории Удмуртии в 1900–1930-х гг.). Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2014. 136 с.
8. *Останина Т. И.* Археологические исследования А. П. Смирнова на территории Удмуртии // Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы Волго-Камья. М.: Изд-во Гос. ист. музея, 1999. 352 с.
9. *Смирнов А. П.* Социально-экономический строй восточных финнов IX–XIII вв. // Труды секции теории и методологии Московского Института археологии и искусствоведения РАНИОН. Вып. 2. М., 1928. С. 69.
10. *Смирнов А. П.* Финские феодальные города // На удмуртские темы. Ученые записки НИИ народов Советского Востока при ЦИК СССР. М., 1931. С. 36–75.
11. *Смирнов А. П.* Могильник Бигер-Шай // СА. Вып. IV. М., 1937. С. 177–195.
12. *Смирнов А. П.* Производство и общественный строй у народов Прикамья I тыс. н. э. (по данным археологии // Записки Удмуртского научно-исследовательского института социалистической культуры при Совнарком УАССР и Общества по изучению производительных сил Удмуртии. Вып. 8. Ижевск, 1938. С. 202–250.
13. *Смирнов А. П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28. М., 1952. 267 с.
14. *Смирнов Кирилл Алексеевич* // Институт археологии сегодня. Сб. науч. биографий. М.: Ин-т археологии РАН, 2001. № 6. С. 20.
15. *Смирнов К. А.* Об отце // Археологи на войне (воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны) / под ред. Г. Н. Матюшина. М., 1990. С. 72–73.
16. *Смирнов К. А.* Смирнов Алексей Петрович (1899–1974) // Институт археологии: история и современность. Сб. науч. биографий. М.: ИА РАН, 2000. С. 215–218.
17. Список работ А. П. Смирнова // Проблемы археологии Евразии. М., 1991. С. 9–27.
18. *Стрельбицкий К. Б.* Московское народное ополчение: планы и реальность // Московские дивизии народного ополчения в Вяземской оборонительной операции октября 1941 г. (Материалы межрег. науч.-практ. конф. Вязьма, 10–11 окт. 2016 г.) / сост. О. Е. Селявина; ред. Ю. Н. Шорин. Вязьма, 2016. С. 5–12.

Поступила в редакцию 13.04.2020

Мельникова Ольга Михайловна, доктор исторических наук,
 зав. кафедрой истории Удмуртии, археологии и этнологии
 ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
 426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
 E-mail: superlvovich2012@yandex.ru

Останина Таисия Ивановна, доктор исторических наук, хранитель музейных предметов
 БУК УР «Национальный музей Удмуртской Республики им. Кузубая Герда»
 426034, Россия, г. Ижевск, ул. Коммунаров, 287
 E-mail: t.i.ostanina@gmail.com

O.M. Melnikova, T.I. Ostanina

ARCHAEOLOGIST ALEXEY PETROVICH SMIRNOV ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR

DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-4-718-727

The authors publish the memories of the famous Soviet archaeologist, doctor of Historical Sciences K. A. Smirnov about his father, Alexey Petrovich Smirnov. A. P. Smirnov is an outstanding Soviet scientist, representative of the first generation of Soviet archaeologists. He is known for his numerous studies on Finno-Ugric and Bulgar archaeology. From the second half of the 1920s to the 1930s, A. P. Smirnov conducted archaeological research into the territory of Udmurtia. His research, as well as the research of many other scientists, was interrupted by the Great Patriotic War. In the 1990s, the scientist's son, K. A. Smirnov, compiled memoirs about his father, in which he describes the scientist's attitude to the war, and gives the facts of the archaeologist's biography in connection with military events. These memoirs are supplemented by the letter from A. P. Smirnov to Kazan archaeologist A. M. Efimova. The documents allow to reveal the facts of A. P. Smirnov's personal biography, and have an important social significance, reflecting the tragic events of the wartime through personal history.

Keywords: history of Soviet archaeology, A. P. Smirnov, the Great Patriotic war, memoirs.

REFERENCES

1. *Ado V. I.* Vspominaya o proshlom... Zapiski russkogo intelligenta XX veka [Remembering the past... Notes of a Russian intellectual of the 20 century]. Kazan, 2000, no. 8, pp. 112–120. (In Russian).
2. Arheologicheskie ekspedicii Gosudarstvennoj Akademii istorii material'noj kul'tury i Instituta arheologii Akademii Nauk SSSR. 1919–1956 gg. [Archaeological expeditions of the State Academy of history of material culture and The Institute of archaeology of the USSR Academy of Sciences. 1919–1956.]. Moscow, The USSR Academy of Sciences Publ., 1962, 263 p. (In Russian).
3. *Bader O. N.* Pavel Alekseevich Dmitriev [Pavel Alekseevich Dmitriev]. UZ MolotovGU, vol. IX, issue 3. Kharkiv, Kharkiv University Press, 1953, pp. 188–189. (In Russian).
4. *Kuz'minyh S. V., Belozerova I. V.* Institut arheologii i iskusstvoznaniya RANION v sud'bah otechestvennoj arheologii [Institute of archeology and art studies RANION in the fate of Russian archeology]. Privolzhskaya arheologiya [Archaeology of the Volga region], 2018, no. 1(23), pp. 321–342. (In Russian).
5. *Mansurov Aleksej Alekseevich* (1900–1941), bibliograf, kraeved, odin iz organizatorov Kasimovskogo kraevedcheskogo muzeya [Alexey Mansurov (1900–1941), bibliographer, local historian, one of the organizers of the Kasimov Museum of local lore]. URL: <https://kraeved.rounb.ru/calendar/mansurov-aleksej-alekseevich> (accessed 11.02.2020). (In Russian).
6. *Mel'nikova O. M.* Arheologiya v Udmurtii v 1920-e — nachale 130-h gg.: ot kul'turno-istoricheskikh issledovanij k marksizmu [Archeology in Udmurtia in the 1920s — early 1930s: from cultural research to Marxism]. 1917 god: Rossijskaya arheologiya na perelome epoch. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [1917: Russian archeology at the turn of epochs. Materials of the International scientific conference]. Moscow, Ed. of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, 2017, pp. 48–50. (In Russian).
7. *Mel'nikova O. M.* Arheologiya v rossijskoj provincii: issledovateli, nauchnye obshchestva, paradigmy (po materialam arheologicheskikh issledovanij na territorii Udmurtii v 1900–1930-h gg.) [Archeology in the Russian province: researchers, scientific societies. Paradigms (based on the materials of archaeological research on the territory of Udmurtia in the 1900s–1930s)]. Izhevsk, Institute of computer research Publ., 2014, 136 p. (In Russian).
8. *Ostanina T. I.* Arheologicheskie issledovaniya A. P. Smirnova na territorii Udmurtii [Archaeological research of A. P. Smirnov on the territory of Udmurtia]. Nauchnoe nasledie A. P. Smirnova i sovremennye problemy Volgo-Kam'ya [Scientific heritage of A. P. Smirnov and modern problems of the Volga-Kama region]. Moscow, State Historical Museum Publ., 1999, 352 p. (In Russian).

9. *Smirnov A. P.* Social'no-ekonomicheskij stroj vostochnyh finnov IX–XIII vv. [The social-economic system of the Eastern Finns 9–13 centuries]. Trudy sekcii teorii i metodologii Moskovskogo Instituta arheologii i iskusstvovedeniya RANION. Vyp. 2 [Proceedings of the theory and methodology section of the Moscow Institute of archaeology and art studies, RANION, vol. 2]. Moscow, 1928, p. 69. (In Russian).
10. *Smirnov A. P.* Finskie feodal'nye goroda [Finnish feudal cities]. Na udmurtskie temy. Uchenye zapiski NII narodov Sovetskogo Vostoka pri CIK SSSR [In the Udmurt topics. Scientific notes of the research Institute of the peoples of the Soviet East under the CEC of the USSR]. Moscow, 1931, pp. 36–75. (In Russian).
11. *Smirnov A. P.* Mogil'nik Biger-Shaj [Biger-Shay burial Ground]. SA, 1937, issue IV, pp. 177–195. (In Russian).
12. *Smirnov A. P.* Proizvodstvo i obshchestvennyj stroj u narodov Prikam'ya i tysyacheletii nashej ery (po dannym arheologii) [The Production and social system of the peoples of the Kama region the I Millennium BC (according to archeology)]. Zapiski Udmurtskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta socialisticheskoj kul'tury pri Sovnarkome UASSR i Obshchestva po izucheniyu proizvoditel'nyh sil Udmurtii [Note the Udmurt scientific research Institute of socialist culture in the people's Commissars of the UASSR and society for the study of productive forces of the Udmurt Republic]. Izhevsk, 1938, issue 8, pp. 202–250. (In Russian).
13. *Smirnov A. P.* Oчерки древней i srednevekovoj istorii narodov Srednego Povolzh'ya i Prikam'ya. MIA. №28. M., 1952. 267 s. [Essays on the ancient and medieval history of the peoples of the Middle Volga region and the Kama region]. MIA. no. 28. M., 1952. 267 p. (In Russian).
14. *Smirnov Kirill Alekseevich.* Institut arheologii segodnya. Sbornik nauchnyh biografij [Kirill A. Smirnov. Institute of archaeology today. Collection of scientific biographies]. Moscow, Ed. of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, 2001, no. 6, p. 20. (In Russian).
15. *Smirnov K. A.* Ob otce [About the father]. Arheologi na vojne (vospominaniya veteranov Velikoj Otechestvennoj vojny) / pod red. doktora ist. nauk G. N. Matyushina [Archeologists at war (memoirs of veterans of the great Patriotic war) / ed. by doctor of history G. N. Matyushin]. Moscow, 1990, pp. 72–73. (In Russian).
16. *Smirnov K. A.* Smirnov Aleksej Petrovich (1899–1974) [Smirnov Alexey Petrovich (1899–1974)]. Institut arheologii: istoriya i sovremennost'. Sbornik nauchnyh biografij [Institute of archaeology: history and modernity. Collection of scientific biographies]. Moscow, IA RAS Publ., 2000, pp. 215–218. (In Russian).
17. Spisok rabot A. P. Smirnova [List of works by A. P. Smirnov]. Problemy arheologii Evrazii [Problems of archeology of Eurasia]. Moscow, 1991, pp. 9–27. (In Russian).
18. *Strel'bickij K. B.* Moskovskoe narodnoe opolchenie: plany i real'nost' [Moscow people's militia: plans and reality]. Moskovskie diviziony narodnogo opolcheniya v Vyazemskoj oboronitel'noj operacii oktyabrya 1941 g. (Materialy mezhhregional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii. Vyaz'ma, 10–11 oktyabrya 2016 g.) / sost. O. E. Selyavina; red. Yu. N. Shorin [Moscow divisions of the people's militia in the Vyazemskaya defensive operation of October 1941. (Materials of the interregional scientific and practical conference. Vyazma, October, 10–11, 2016) / comp. by O. E. Selyavina; ed. by Yu. N. Shorin]. Vyazma, 2016, pp. 5–12. (In Russian).

Received 13.04.2020

Melnikova O. M., Doctor of History, Head of the Department of History of Udmurtia,
Archeology and Ethnology
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: superlvovich2012@yandex.ru

Ostanina T. I., Doctor of History, Curator of Museum Artifacts
National Museum of Udmurt Republic named after K. Gerd
Kommunarov st., 287, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: t.i.ostanina@gmail.com